путь таланту, личной заслуге и, следовательно, делает проницаемыми социальные перегородки, пробуждает новые силы нации, побуждает ее к социальной мобильности). Как бы то ни было, коллизия Петра-реформатора и Петра-революционера (разумеется, «революционера сверху») остается доныне неразрешенной.[4]

Принято, впрочем, оговариваться, что преобразования (обнимаемые слишком общим и расплывчатым понятием «европеизация») начались задолго до самодержавного правления и даже рождения Петра. Но обаяние (положительное или отрицательное) этой личности столь сильно, что Петр считается как бы ответственным за сделанное при его отце, старшем единокровном брате Федоре и старшей единокровной же сестре Софье. Это несправедливо, несостоятельно исторически и в научном отношении неплодотворно.

Упрекая Петра за поощрение социальной мобильности,[5] его противники прежде всего имели в виду фаворитизм, кивали и на А. Д. Меншикова, и на П. П. Шафирова, и на Екатерину I (с ее заурядными родственниками, «графами» Скавронскими и Гендриковыми, которых, правда, императрица взяла ко двору лишь по смерти мужа). Но разве фаворитизм начался при Петре? Екатерину I «прообразовала» Наталья Кирилловна Нарышкина (впрочем, к венцу она шла девицей, а не вдовой и наложницей, как ее эпоха). Нарышкиных гедиминович князь Борис Куракин, свояк Петра, называл «господами самого низкого и убогого шляхетства».[6] Меншикову предшествовал Ф. Л. Шакловитый, курский, потом столичный подьячий, ставший по благосклонности Софьи окольничим и начальником Стрелецкого приказа и кончивший жизнь на плахе (с таким концом надлежит считаться всякому фавориту). Если искать истоки фаворитизма, незачем проводить «типологические параллели» с эпохой Ивана Грозного, незачем вспоминать Малюту и Васюка Грязного. Отмена местничества в начале

пошли от героя Невской битвы 1240 г. Гаврилы Алексича, по родословцам считающегося правнуком Ратши, действительно «не хуже» Романовых (они — из рода Андрея Кобылы, от пятого его сына Федора Кошки). Но по московским понятиям знатность — нечто иное: «В Московской Руси место человека на лестнице служилых чинов <. . .> определялось не только происхождением, но и сочетанием служебной годности и служб человека с учетом его родовитости, т. е. служебного уровня его „родителей“, родичей вообще, а в первую очередь его прямых предков» (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 103). По «служебному уровню» Романовы превосходили Пушкиных. Но Пушкин был прав, обвиняя Петра в унижении дворянства. Так думали и современники преобразователя, ставя ему в вину «отменение в определениях и приговорах изречения „Государь указал и бояре приговорили“» (*Голиков И.* Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 1. С. 3) и характеризуя это как деспотизм.

[4] См., например: *Raeff M.* Peter the Great. Reformer or Revulutionary? Boston, 1963.

[5] «Возводил на высокие степени без всякого различия с дворянами из низкого звания людей <. . .> Определял к себе молодых людей без разбору же, благородных и неблагородных <. . .> Тем молодым людям дозволял осмеивать бояр, наблюдающих старинные обычаи» (*Голиков И.* Деяния Петра Великого. Ч. 1. С. 1—2).

[6] Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 63.